

тѣто поѣхала въ губернской городъ и сдѣлала актъ. Какой актъ? Самъ адъ вдохнулъ въ нее эту мысль: она уничтожила честное слово, почла отца, отца твоего, за ничто, и вотъ короткое содержание: «Если я умру, то братъ П. И. опекуномъ имѣнію, если сей умереть, то другой братъ, а если сей умереть, то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалычъ возьметъ сына своего къ себѣ, то я лишаю его наслѣдства навсегда». Вотъ почему ты здѣсь живешь: благородный отецъ твой не хотѣлъ дѣлать исторій, писать государю и лишить тебя состоянія.. Но онъ надѣялся, что ты ему заплатишь за эту жертву...

Юрій (послѣ минутнаго молчанія, когда онъ стоялъ, какъ убитый громомъ):—Чтобы ей подавиться ненавистнымъ имѣніемъ!.. О!.. теперь все ясно... Люди, люди... люди!.. Зачѣмъ я не могу любить васъ, какъ бывало... Я узналъ тебя, ненависть, жажда мщенія... Ха! ха! ха!.. какъ это сладко, какой восторгъ земной!..

Василій Мих.:—А непріятности, послѣдовавшія, очень натуральны... Бъ тому жъ старуха любить, чтобы ей никто не противорѣчилъ, и эти окружающіе... эта повѣренная Дарья—преопасная змѣя...

Юрій:—Довольно! прошу васъ, не продолжайте, оставшее мнѣ все извѣстно...

Василій Мих.:—Нѣтъ, мой другъ, еще... еще...

Юрій:—Я больше не желаю знать... вы рассказали такъ прекрасно, какъ пріятна наша повѣсть... (Впадаетъ въ задумчивость).

Василій Мих. (въ сторону, съ улыбкой): —Мое дѣло кончено, и все пришло въ порядокъ, я не буду сказывать обо всемъ брату... Онъ такой... онъ не любитъ подобныхъ штукъ... (Смѣется). Какъ онъ горячился, бѣдненькій!..

Юрій (между тѣмъ взглянувъ на Василія Михалыча): —Вамъ смѣшно мое страданіе... не правда ли?..

Василій Мих.:—Нѣтъ!.. помилуй... что ты?

Юрій (въ сторону):—Нѣтъ... нѣтъ... какое ледяное слово... А... онъ, это, видно, онъ изъ любви, мнѣ открылъ злодѣйство... Такъ всегда со мною дѣлали... изъ привязанности я былъ обманутъ когда-то дружкой... О, тщетныя увѣренія... нынче... (Къ дядѣ). Оставьте меня, прошу васъ: мнѣ надо побыть одному... я весь въ огнѣ, мнѣ надо отдохнуть...

Василій Мих.:—Хорошо, другъ мой... до свиданья. (Уходитъ, потирая руки). А мое дѣло сдѣлано, слава Богу... (Уходитъ).

Явленіе III.

Юрій:—Какъ я разстроенъ, какъ я боленъ... Желчь поднялась въ голову... Грудь

изволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... Отъ избытка чувствованій я лишился чувствъ... Но отдохнѣть... я увижу ее, утѣшителя-ангела: она мнѣ возвратитъ, на минуту, потерянное спокойствіе... Пойду, пойду... (Закрывъ лицо руками, уходитъ въ галлерею медленными шагами).

Явленіе IV.

Входитъ Марья Ивановна, за ней Дарья и подаетъ ей стулъ. Она садится.

Марья Ивановна:—Каковы неучи! въ моемъ домѣ, мнѣ грубить—ну, можно ли послѣ этого имъ хоть день здѣсь остаться... Вонъ ихъ, вонъ ихъ!..

Дарья:—Ваша правда, сударыня... такіа безпокойства.. Полно, смотрите на себя, вѣдь лица нѣтъ... Не угодно ли капель гофманскихъ?..

Марья Ивановна:—На что, на что... лучше позови ко мнѣ Юрьюшку...

Дарья:—Сейчасъ. (Уходитъ).

Марья Ивановна:—Ну, можетъ ли какая-нибудь холопка болѣе быть привязана къ своей госпожѣ, какъ моя вѣрная Дашка... (Молчаніе). Ну, вотъ однако жъ я скоро отдѣлаюсь отъ этихъ Волиныхъ-братцевъ... однако и Юрьюшка уйдетъ и оставитъ меня одну... видно, такъ на небесахъ написано... Я буду безъ него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свѣчу передъ Богоматерью, поѣду въ Кіевъ... а онъ ко мнѣ будетъ писать. (Кашляетъ). Какой же у меня кашель отъ нынѣшняго крику... То-то и есть, что надо слушаться евангелія и святыхъ книгъ: не даромъ въ нихъ говорить, что не надо сердиться... и нельзя. Вотъ какъ начнутъ спорить младшіе себя, сердце и схватитъ; то-то нынѣшней вѣтъ зятя зазнаются, внуки умничаютъ, молодежь никого не слушается. Не такъ было въ наше время... бывало, какъ меня свекровь тузила... а все молчу, и вымолчалась!.. Какъ умерла моя свекровушка и оставила мнѣ денегъ, рублей 30,000, да серебра да золота... а нынче все наше русское богатство, все золото прадѣдовъ идетъ не на образа, а къ басурманамъ французамъ. (Молчаніе). Какъ посмотришь на нынѣшній свѣтъ... такъ и вздрогнешь: дѣвушки съ мужчинами въ однихъ комнатахъ сидятъ, говорятъ—индо мнѣ, старухѣ, за нихъ стыдно... Ахъ, а прежде, какъ съѣдутся, бывало, такъ и разсѣдутся по сторонамъ, чинно и скромно... Эхъ, вѣкъ-то вѣкъ!.. перемѣнились русскіе... (Смотритъ назадъ въ галлерею). Да вотъ и Юрьюшка идетъ.

Явленіе V.

Юрій мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за нимъ Дарья.

Юрій (бѣдный, разстроенный, съ неудоволь-